

«Фоменки» прощаются с детством

Открывается фестиваль театра-мастерской

фестиваль театр

На семейном фото — режиссер Петр Фоменко со «сими-фоменками» — фото Юди Олга

Коммерсантъ, 2003, 22 апр. С. 22

Вчера вечером спектаклем «Месяц в деревне» в постановке Сергея Женовача открылся фестиваль «Все спектакли Мастерской Петра Фоменко», посвященный десятилетиям одного из самых молодых и самых популярных московских театров. Фестиваль пройдет на нескольких площадках и продлится до конца июня. Вспоминает и комментирует обозреватель «Ъ» РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

Владимир Набоков когда-то писал, что от встречи с поэзией Пушкина читатели убеждают себя в ее легкости. Примерно так же можно описать состояние зрителей самого начала «Фоменины» — в тот момент еще не отроков и не совсем еще взрослых зрителей. Вспоминание детства — это всегда ощущение, что в детстве было дыхание альтернативной правды, а в детстве, как выяснилось, дышал какими-то другими газами. Все ходившие и «молодые» были как назло уже немолоды, а действительно молодые как бы невнятные, и в атмосфере носилось ощущение какою-то абсолютного театрального тупика.

Именно тогда какою-то чудесным образом появились эти студенты, вскоре прозванные «фоменками», — целая команда новых и сразу

же запомнившихся лиц и голосов. Прежде всего женских, причем как-то причудливо подобранных: и чистые, и аистские оказались рыжками. Галины Тенгинной и Мадлен Джабраиловой вместе с шестью мужскими голосами на этот раз стали главными драматическим оркестром Москвы. Можно сказать, что Петр Фоменко с учениками указали на очинный «серебряный путь» развития русского театра — это был незамысловатый, тоскливый традиционализм, но и не колючий, нервический авангард. И теперь на фестивале можно увидеть те самые четыре лучших спектакля, которые выжили из жизни театра, такую вот «мастерскую Чайковского» — «Мастерской» — Две пачки табака. Шекспира в постановке Евгения Каменевых, голландского Владимира III Степана по версии Сергея Женовача, «Приключение Цветаевой», придуманное Иваном Поповским, и «Волны и овцы» Островского и постановке самого Петра Фоменко. Очень разные, эти постановки как раз и заложили стиль «Мастерской».

В актерской мастерской Фоменко не содержалось ничего полагательного, но в ней обнаружилась столько незаемной живости, неподдельного обаяния и какой-то соблазнительной иридности (а по опыту последующих лет можно прибавить, что и ранней, быстро обретенной профессиональной мастерственности), что «Мастерская», преобразованная как раз десять лет назад в муниципальный театр, буквально упала в объятия театральной Москвы, влюбившейся в Фоменку с первого взгляда. Неустояли и забыли

денежные дела театра, многие из которых тоже нашли в лучших создателях Петра Фоменко и его учеников то идеальное воплощение русского театра, основывающегося на хорошей литературе, актерской игре и традициях великой школы, которое миру так хотелось видеть. Вскоре «Мастерская» потеснила театры Льва Додина и Анатолия Васильева, к началу 90-х бывшие русскими монополистами на мировом театральном рынке. Видимо, потому, что «фоменки» не так метафоричны и основательны, как додидины, и не так эгоцентричны, как васильевы. Они циничны не масло, а акварелью. Они не заискивают перед высокой миссией, а лицедействуют, дукают и кружат голову. В их спектаклях поражаешься, как будто в теплую пачку табака кто-то объяснял мне недавно свой омутный от просмотра «Войны и мира» директор одного из важнейших европейских фестивалей.

Понятие «школы» вообще очень важно для Петра Фоменко и его театра. Приток свежих сил в «Мастерскую» осуществлялся за счет следующих студенческих курсов мастера, то есть в этой труппе работают почти исключительно ученики одного человека. Потому что именно он до сих пор сохранил в своих руках главное ноу-хау, а во всех спектаклях театра, которые ставит не Петр Фоменко, чего-то важного обычно не хватает. Но все эти годы «фоменками» и их мастеру театральная Москва с несвойственной ей легкостью прощала случавшиеся и случавшиеся подтупы. Именно потому, что некая зыбкость, трещина, знание не только праздника, но и «мрачных бед» жизни непременно при-

сутствуют в лучших созданиях «Мастерской», среди которых камерные шедевры последних лет — «Одна абсолютно счастливая деревня» и упоенные уже «Война и мир». (Из тех спектаклей, что можно назвать веками в истории «Мастерской», на фестивале не хватает «Шума и ярости» Сергея Женовача и «Таня-Даня» Петра Фоменко, их по разным причинам оказалось невозможно собрать). Переход от спектакля к спектаклю, театр, кажется, благополучно пережил свой выход из моды. Если несколько лет назад на «фоменок» в городе было мода (вообще говоря, на театры такого рода не случавшаяся), а теперь это просто очень хороший и по-прежнему любимый городской театр.

Сам Петр Фоменко чувствует, что какие-то перемены назрели. Недавно худрук театра много обиделся, что его театру в педагогических целях не хватает настоящего провала. А на пресс-конференции, посвященной юбилейному фестивалю «Мастерской», пожаловался, что уже наделел традиционные комплименты критиков по легкому дышанию. Что нынешний фестиваль для его театра можно назвать прощанием с затянувшимся детством. Как известно, переходный возраст существенно меняет личность: ломается голос, меняется внешность, и часто все идет вовсе не так, как предполагалось. Так что теперь подросток в последний раз встает на ступень и прочитает свои стихи перед удивленным сообществом. При таком событии стоит попрощаться, чтобы ни случись потом, навсегда помянув, что этот человек был вундеркиндом.